

Прошу передать данное письмо в Генеральную прокуратуру Туркменистана, Посольство РФ в Туркменистане и представительство ОБСЕ в случае моего ареста, исчезновения или несчастного случая.

А.Затока

20 июня 2008 г.

Заявление

Я, Затока Андрей Львович, гражданин Туркменистана и России, постоянно проживающий в Туркменистане по адр. Дашогуз, Центр-1, д.8 кв. 23, в течение длительного времени по непонятным для меня причинам подвергаюсь преследованиям со стороны органов национальной безопасности. Начиная с апреля 2008г., я стал замечать за собой наружное наблюдение, а в период с 11 по 18 мая и в начале июня в моей квартире тайно и против моей воли побывали неизвестные лица.

Также до сих пор сохраняется запрет на мой выезд из страны. Этот запрет был наложен предположительно в декабре 2006 года, когда меня арестовали и подвергли уголовному преследованию по заранее спланированному сценарию по заказу органов МНБ. Уголовное дело завершилось условным сроком, и до сентября 2007 года я оставался невыездным как условно осужденный. Однако в сентябре вышел Указ о помиловании, и законных оснований для ограничения выезда не стало. Тем не менее, в ноябре 2007 г. я узнал в Миграционной службе, что запрет в отношении меня не снят, а в феврале мне устно ответили оттуда по телефону (в ответ на письменное обращение от 16 ноября 2007 г.), что из МНБ пришло подтверждение о запрете выезда. Последний раз я спрашивал о своем статусе 11 июня с.г., и в канцелярии мне ответили, что изменений нет и мне нужно обращаться в МНБ.

В апреле 2008 г. я написал письмо на имя Министра национальной безопасности с просьбой разрешить выезд или объяснить причину запрета. Письмо я передал через ашхабадского сотрудника МНБ «Мереда», который в это время находился в Дашогузе и согласился на встречу со мной. Он пообещал, что вопрос вскоре будет решен положительно, после чего я купил билеты в Москву на 1 июня, чтобы съездить повидать своих детей и пожилую мать, которых я не видел уже более 2 лет. Однако я не только не получил разрешения на выезд по сей день, но и не получил ответа из МНБ и сколько-нибудь внятных объяснений.

Таким образом, у меня есть основания подозревать, что в отношении меня готовится очередная провокация или уголовное преследование. Те, кто залезал в мою квартиру, могли подбросить мне предметы криминального характера (как это было в декабре 2006 г., когда мне подбросили ампулу со «змеиным ядом»), чтобы использовать их как вещественные доказательства совершения преступления. Возможно также, что были установлены подслушивающие устройства.

Кроме того, было организовано психологическое давление на моих друзей, с которыми я нахожусь в контакте. Так, Умида Джумабаева, которая была моим переводчиком во время уголовного дела, а также присматривала за квартирой во время моего отсутствия, была в апреле с.г. вызвана в этрапское управление МНБ и подвергнута «предупредительной беседе» с целью заставить ее отказаться от общественной деятельности. Поскольку беседа действия не возымела, была предпринята попытка опорочить ее перед мужем (а самого мужа в тот же период без всяких оснований задержали прямо на рабочем месте сотрудники полиции и в наручниках доставили в отделение). Когда и эта провокация провалилась, была устроена проверка по общественному проекту, который она выполняла по программе Каунтерпарт

(строительство общественной мельницы) с явным намерением обвинить ее в мошенничестве и присвоении денег. На данный момент ей вручено предписание арчинлика с незаконным требованием снести построенную мельницу.

Давление оказывалось и по линии школы, где работает Умида. Причем заказчики – сотрудники МНБ – оставаясь в тени, фактически подталкивают различных должностных лиц идти и против закона, и против своей совести.

Также давлению была подвергнута семья Гардашевых и их окружение, причем до такой степени, что некоторые из их друзей в страхе дистанцировались от них.

Я хочу также рассказать о методах работы правоохранительных органов, которые были применены в отношении меня в декабре 2006 г.

1. Во время посадки на самолет в аэропорту Дашогуза 17 декабря 2006 г. неизвестный мне мужчина (как выяснилось впоследствии – подставной провокатор, не имевший даже билета) пытался спровоцировать меня на конфликт сначала на регистрации, затем – на трапе. А именно, он сунул мне под ноги пакет и схватил за руку, крича «Зачем так делаешь!», и, прежде чем я успел что-то сказать, меня схватил и выволок из очереди находившийся рядом милиционер. (Этот милиционер и сейчас, после длительного перерыва, работает на контроле в аэропорту и наверняка может сказать, от кого получил приказ на мое задержание. Также свидетелями задержания были многие сотрудники аэропорта). Нас обоих тут же увели в дежурную комнату в аэропорту, откуда меня увезли в городской приемник-распределитель. На следующий день состоялся суд, который присудил мне 5 суток ареста «за хулиганство», а провокатор, выступивший свидетелем обвинения, никакого наказания не понес.
2. На пятый день ареста, днем, меня без объяснения причин вывели из камеры и оставили в дежурной части ГОВД. Там уже находилась какая-то женщина, которая тут же начала приставать ко мне сначала с расспросами, а затем принялась обвинять меня в во всех смертных грехах, включая измену Родине. Когда я догадался, что женщина просто провоцирует меня на скандал, и сказал ей об этом, она быстро ушла, а меня вернули в камеру. Второй раз меня вывели в дежурную часть уж вечером, туда же привели мужчину бомжеватого вида, и он тут же начал агрессивно наступать на меня. Я обратил на это внимание дежурного, попросил убрать от меня человека, который явно хочет на меня напасть – дежурный не прореагировал. Через некоторое время подошли сотрудники полиции, и в их присутствии бомж кинулся на меня с кулаками. Я просто закрылся и опустился на пол, сорвав и эту провокацию. Мужчину увели, а меня оставили стоять в дежурке. Примерно через час ко мне подошел сержант полиции и сказал, что начальник спецприёмника написал на меня рапорт с обвинением, будто я ему не подчинился и ругался. Я заявил, что ничего подобного не было, я даже никогда не встречался и не общался с начальником. Сержант стал писать объяснительную якобы с моих слов по-туркменски, и я её подписал, думая, что записано верно. На самом деле сержант от моего имени написал, будто я признал факт неподчинения – то есть он просто обманул меня, пользуясь моим доверием и слабым знанием туркменского языка. Затем, несмотря на позднее время (после 22 часов вечера), меня отвезли в суд, и судья Худайберенов, специально для меня вызванный из дома, присудил мне ещё 10 суток ареста, основываясь на лживом рапорте, моем «признании», полученном обманным путём, и показаниях двух лжесвидетелей.

3. Покуда я отбывал административный арест, сотрудники МНБ тайно проникли в мою пустую квартиру, подобрав ключи или использовав те, которые были изъяты у меня при аресте. 30 декабря 2006 года меня в наручниках доставили домой, туда же приехала целая бригада сотрудников полиции, прокуратуры и КНБ, и мне предложили добровольно предъявить для проверки имеющиеся компьютеры и иные носители информации. Ордера на обыск предъявлено не было, то есть осмотр носил добровольный характер. Однако во время этого осмотра сотрудник КНБ попросил меня «вынуть то, что находится в плафоне потолочной лампы» в одной из комнат. Там оказалась подброшенная во время нелегального посещения ампула с желтым порошком и надписью «яд гюрзы» (на латыни, с многочисленными ошибками). Я сразу узнал ампулу, поскольку примерно за год до этого я помогал начальнику ЭКО УВД Зерикову А. проводить исследование такой же ампулы, и уже тогда мы установили, что там находится не яд, а безвредная имитация – порошок ионообменной смолы, то есть ампула является продукцией неизвестных мошенников. Я сразу заявил об этом, настояв на записи моих слов в протокол. Тем не менее, у оперативников появился формальный повод для получения ордера на обыск, и, понимая это, я был вынужден открывать все шкафы и ящики, которые просили открыть. Сотрудники КНБ показали хорошее знакомство с содержимым многих ящиков и быстро нашли хранившиеся у меня сигнальные пиротехнические средства, предметы охотничьего снаряжения, остававшиеся у меня со времен работы в заповеднике, и запаянный стеклянный прибор с небольшим количеством ртути внутри. Также были изъяты все компьютеры, диски, видеокассеты и прочие носители электронной информации, которые были взяты на исследование в КНБ и ради чего и был организован мой арест. Против меня тут же было возбуждено уголовное дело по 4 статьям УК: 287, 288, 302 и 306.
4. Уголовное дело было построено полностью на заключениях экспертов. При этом, если часть изъятых предметов была квалифицирована правильно, то по некоторым другим эксперты дали заведомо ложные заключения. Так, эксперт Зериков определил вещество в ампуле как змеиный яд, при этом он не сделал фотографий и полностью уничтожил остатки вещества, исключив возможность повторной экспертизы. Другой эксперт определил самодельную ракетницу, сделанную из игрушечного револьвера и алюминиевой трубки, как огнестрельное оружие, способное стрелять охотничьими патронами. Пороховые заряды от учебных гранат, которые я использовал как шумовое сигнальное средство при работе в пустыне, этот же эксперт квалифицировал как запалы к боевым гранатам. Ртуть в приборе была квалифицирована как ядовитое вещество, несмотря на то, что такая же ртуть в сходных количествах содержится в обычных медицинских и научных термометрах, которые не запрещены ни для хранения, ни для использования, ни для продажи.
5. По всем заключениям экспертов, которые я считал ошибочными, я писал протесты, но следователь УВД отклонил их все под стандартным предлогом – мол, экспертиза проведена, всё доказано, и повторной экспертизы не требуется.
6. Вскоре после перевода в СИЗО начались допросы в КНБ. Допрашивавшие сотрудники не называли своих имен и должностей, письменных протоколов не велось, не считая того, что я писал довольно много объяснительных, фактически дублируя показания, которые я давал следователю. Их этих допросов мне стало понятно, что именно КНБ является заказчиком и движущей силой всего процесса моего уголовного преследования. Истинная причина, однако, мне так и осталась непонятной. Возможно, меня подозревали в шпионаже или пытались через меня выйти на неизвестных мне

корреспондентов зарубежных Интернет-изданий, писавших о ситуации в Туркменистане.

7. Мой арест вызвал бурную реакцию экологических организаций во многих странах, поскольку я достаточно известен как экологический эксперт и общественный активист международного уровня. По мере того, как эта кампания развивалась, допросы в КНБ становились всё мягче, и, наконец, где-то «наверху» было принято решение ограничиться в отношении меня условным сроком. Я согласился на этот компромисс и не стал возражать и добиваться полного оправдания, учитывая изменение политической ситуации в Туркменистане и мое нежелание вредить престижу нового руководства. Следствие было завершено в рекордные сроки, суд прошел в течение одного дня 31 января 2007 г. и, как и ожидалось, завершился условным сроком и освобождением из-под стражи в зале суда. Единственное ограничение, которое наложил суд – это не менять постоянное место жительства без разрешения полиции.
8. После освобождения мне должны были вернуть всё изъятое, что забирали для следствия и не конфисковали по решению суда. Однако вернули далеко не всё – я так и не получил обратно один монитор от компьютера, металлический ящик-сейф; из компьютера вынули монтажную видеоплату DVRRaptor и плату захвата DVB, заменили новый DVD-writer на неисправный. Также мне не вернули дорогостоящие диски DVD-RW, пригодные для записи. Общая стоимость похищенного оборудования составила около 800 долларов. Кроме того, следователь не вернул мне 800 000 манат, изъятые при задержании в аэропорту. Я несколько раз напоминал следователю о пропажах, однако он ссылаясь на комитетчиков, а те в свою очередь заявляли, что отдали в полицию всё изъятое. Я предполагаю, что следователь составил фальшивый акт возврата, подделав мою подпись, поскольку ещё в первый день следствия я заметил у него на столе бумажку, на которой кто-то явно тренировался изображать мою подпись.

Таким образом, складывается весьма тревожная картина: органы национальной безопасности имеют абсолютное влияние на другие правоохранительные и административные структуры, вынуждают их идти на всяческие нарушения законодательства, вплоть до уголовных преступлений, и при этом сами остаются в стороне и ни за что не отвечают. Я считаю эту ситуацию весьма опасной для государства, поскольку любой гражданин оказывается беззащитным перед произволом и беззаконием. А попытка скрыть первоначальные должностные нарушения может приводить к ещё более тяжким преступлениям, что и произошло со мной.

Прошу Вас самым внимательным образом расследовать инцидент, из-за которого данное письмо направлено в Ваш адрес, и защитить меня и моих друзей от незаконного преследования.

Написано собственноручно 20 июня 2008 года, размножено в нескольких копиях, которые хранятся в запечатанных конвертах и в электронном виде у разных людей.

А.Затока

Приложение

Номера машин, следивших за мной в июне 2008 г.

Белая «Тойота» 2147 DZ и Белый «Жигули» 8923 DZ – следовали от моего дома до дома А.Гардашова 6.06.08

Белая «Тойота» 2147 DZ и Белая «Тойота» 6304 DZ - и от моего дома до дома Джумабаевых (пос. Гурбансолтан -эдже) 7.06.08. Ночью первая машина уехала, а 6304 снова была замечена в посёлке утром 8.06, однако не заметила меня и проехала мимо.

Белая «Тойота» 9193 DZ и 9506 приехали на смену первым двум машинам и дежурили вечером 6.06.08 у дома Гардашевых, сопровождали меня почти до дома.

Белая «Тойота» J5420 MR следовала за мной от города до аэропорта 9.06.08. Приехавший в ней мужчина следил за мной до момента регистрации на рейс.

Белая «Тойота» J5490 MR следовала за мной от дома до ж/д вокзала и обратно 20.06.08.

Во всех перечисленных машинах сидели по два молодых мужчины-туркмена характерного облика, машины останавливались в пределах видимости в местах моей остановки или пересадки, при моей попытке подойти к ним поближе - быстро уезжали.

Серая иномарка 3842 стояла напротив моего дома ночью с 6 на 7.06. , внутри сидел мужчина и напряженно следил за моим подъездом.